В. А. ПЕТРОВ

<Воспоминания о занятиях В. О. Ключевского в Александровском военном училище>

В период преобразований 60-х годов Милютиным[1] и Исаковым[2] была создана стройная система военно-учебных заведений. В ней центром тяжести были военные гимназии, снабженные хорошими средствами, богато обставленные в учебно-воспитательном отношении. Они вели свое дело спокойно и уверенно, проводя юношей более способных (а их было около 90%) через весь свой курс в военные училища.

Я по окончании 1-й Московской военной гимназии попал в Александровское военное училище, где слушал В. О. Ключевского и где впоследствии я был преподавателем и инспектором классов. Одна система, как бы она не была стройна, не может сделать учреждение полезным; нужна гармония и соответствие исполнителей с самой системой. Старые кадетские корпуса в свое время принесли пользу, но когда исполнители оказались в полном разладе с новыми требованиями жизни, то и учреждения сделались несоответствующими духу времени. Преобразователи кадетских корпусов хорошо это поняли и потому на выбор наставнического персонала военных гимназий и начальствующих лиц военных училищ было обращено большое внимание.

Во главе Александровского военного училища был поставлен полковник Борис Антонович Шванебах. В конце 60-х и в начале 70-х годов я, будучи еще гимназистом, часто посещал училище, где юнкером в то время был мой старший брат; тогда уже я начал проникаться мыслью попасть в это училище, хотя мои склонности к математическим наукам рисовали мне перспективу и Михайловского артиллерийского училища. После долгих колебаний я решил пойти на два года в Александровское училище, а на третий курс переве-

стись в Михайловское артиллерийское, несмотря на то, что этим путем было труднее создать себе положение во время последнего года ученья перед производством в офицеры.

Когда я поступил в Александровское училище, то на смену Б. А. Шванебаха явился полковник Самохвалов[3], бывший командир Самогитского гренадерского полка. От своего брата я начал проникаться атмосферой Шванебаховского периода, будучи же юнкером, сам дышал уже сильно разряженным ее состоянием и барометр предвещал переход от переменной погоды к дождям и бурям. Поэтому позволю себе коснуться и тех воспоминаний, которые складывались у меня за время пребывания в училище моего брата и лично своих.

Главный начальник военно-учебных заведений, генерал-адъютант Н. В. Исаков, пользуясь своими связями с Московским университетом как бывший попечитель учебного округа пригласил в Александровское военное училище лучших тогдашних профессоров. Около 20-ти преподавателей училища состояли профессорами или доцентами университета. Между ними встречались такие имена: С. М. Соловьев, Алексеев[4], Капустин, Вейнберг[5], Ключевский, Лясковский, Герье, Бабст, Чупров, Янжул, Стороженко[6], Юркевич[7]. Постановкой учебного дела училище было обязано молодому тогда инспектору классов полковнику Юшенову[8], а после него полковнику Алексееву[9] (впоследствии директор Киевского корпуса, а потом состоявший при Главном управлении в. — уч. зав. в качестве инспектирующего кадетские корпуса генерала). Юшенов — энергичный, даровитый, настойчивый — давал полную свободу преподавателям и был очень требователен к юнкерам. Особенно было характерно в постановке учебного дела репетиторство: лекции читали профессора, а репетиторами были молодые силы, которые потом тоже заняли кафедры в университете и приняли лекции в училище от своих предместников; репетиторы посещали лекции профессоров в училище и составляли конспекты. Так, у профессора Бабста репетиторами были Чупров и Янжул, у Капустина — Боголепов[10], у Соловьева — Ключевский и Герье. Много времени спустя некоторые питомцы училища свежо помнили характеристику России до и после Петра Великого, сделанную Соловьевым; лекции Капустина о гармонии государственных сил надолго врезались в память слушателей. Лекции таких корифеев науки глубоко западали в душу молодых людей и в течение всей жизни влияли на склад понятий.

Рационально были поставлены не только репетиции, но и практические занятия. В корпусах* на это мало обращалось внимания, поэтому в году мало занимались, откладывая все до экзамена, а на экзаменах рассчитывали на счастье. В училище приходилось работать целый учебный год. Серьезность требований, необходимость постоянного труда, вместе с общим строем жизни в училище, отлично способствовали тому, что скоро забывалось все старое корпусное отношение к делу.

Впоследствии многие питомцы училища узнали, что за время конца 60-х годов были доносы на училище политического характера; однажды ночью после обыска был увезен из училища юнкер. Для этого не было оснований: политических партий в училище не было, но разговоры и рассуждения на политические темы между молодежью, как и всегда, были и тогда.

Проникали в училище и запрещенные книги; многие читали «Былое и думы»[11]. В училище были партии с особыми взглядами и увлечениями, но их нельзя назвать политическими: это — украйнофилы[12], славянофилы[13] и даже, как тогда говорили, нигилисты[14]. Украйнофилы встречались из южных кадетских корпусов. Они поражали великороссов своими претензиями на какой-то сепаратизм,— с ними спорили горячо, но это не имело никаких дурных последствий и не портило даже добрых товарищеских отношений.

Славянофильством тогда увлекались многие, но не ясно отдавали себе отчет в его сущности. Между прочим, и у меня до сих пор стоит в библиотеке собрание сочинений И. С. Аксакова[15], как след увлечения славянофильством в конце 70-х и в начале 80-х годов. Эти увлечения, будучи совершенно невинными, носили даже симпатичный патриотический характер. Что касается нигилизма, то хотя были Базаровы и Рудины, но этот тип был мало заразителен в училище. Между прочим — А. П. Чехов в своих «Трех сестрах» нарисовал меткими штрихами Соленого, Тузенбаха с двух моих товарищей, которые служили в артиллерии в г. Воскресенске, где одно время жил и Антон Павлович. Мне не приходилось об этом с ним говорить, но узнать их в пьесе было не трудно.

Подобные литературные увлечения долго держались в стенах училища и много способствовали тому, что от старого кадетства не осталось и следов.

---

* В специальных классах кадетских корпусов.

Б. А. Шванебах пробыл в училище 11 лет, после он был назначен членом конференции Николаевской инженерной академии; но и оставив училище, он с теплым участием продолжал следить за его жизнью. Ежегодно с единодушным восторгом все служащие училища выслушивали приветствие в храмовой праздник от своего первого начальника, и в свою очередь он являлся таким же центром восторгов от бывших александровцев в Петербурге.

Веяния 70-х годов дали повод новому начальнику полковнику Самохвалову направить свое главное внимание на то, чтобы уберечь молодежь от опасных политических воззрений. Болезненно подозрительный, мало доверявший служащим и преподавателям, он иногда в самом пустяке, в самом невинном выражении мог видеть ложный взгляд служащего на дело воспитания военной молодежи или на его политическую неблагонадежность. Бывали случаи, что юнкер получал выговор, а преподаватель русского языка упрек, если в сочинении юнкер неодобрительно характеризовал полковника Скалозуба. Более всего эта подозрительность отразилась на преподавателях — профессорах университета, которые постепенно начали оставлять училище; если же кто продолжал занятия, то находился под строгим контролем; так, лекции Василия Осиповича Ключевского всегда посещал начальник училища. Михаил Петрович Самохвалов открыто высказывал свои взгляды служащим, каких бы деталей учебно-воспитательного дела они не касались; всегда в них чувствовалась система охранения. Молодежь он любил и ей всегда доверял. Юнкера пользовались своей читальней, в которой, кроме газет всякого направления, были и толстые журналы; среди них читались: «Дело»[16], «Вестник Европы»[17], «Отечественные записки» с благонамеренными речами Салтыкова. Эти журналы часто не допускались в читальни преподавателей классических гимназий, и я помню, что один преподаватель всегда забирался в училище много раньше времени его лекции. Он говорил, что «Вестник Европы» он не мог читать в соседней классической гимназии, т. к. он там находился под запретом; в училище он имел возможность его прочитать, для чего и приходил на час, иногда на два раньше своей лекции и не считал для себя это время потерянным.

Из всех корифеев науки, которых слушал в училище мой брат и с которыми я лично знакомился, ожидая их слушать в свою очередь, при мне остались И. И. Янжул и В. О. Ключевский. Последнего начальник училища не беспокоил своими беседами,

я думаю потому, что В. О. в то время был профессором только Духовной академии (в университете он сделался профессором в 1879 г.) и из трудов его были напечатаны только «Древнерусские жития святых как исторический материал». Это было достаточной гарантией полной благонадежности. Тем не менее в младшем классе училища тогда (1875–1880) читалось о состоянии Европы накануне Французской революции и до Франко-Прусской войны включительно; кроме того, как дополнительные статьи по русской истории: финансы России и система гр. Канкрина, Крымская война и реформы Александра II. Материала было слишком много, чтобы Михаил Петрович беспокоился за охраняемую им молодежь и особенно следил за лекциями о вступлении на престол Николая I. В. О. Ключевский это чувствовал и о декабристах почти не упоминал. Он так умело кончал лекцию, что, поставив к сигналу точку на кончине Александра I, в следующий раз переходил прямо к реформе Николая I.

На нас юных слушателей лекции Василия Осиповича производили сильное впечатление. Читал он всегда сидя, часто опустивши глаза к кафедре, по временам вздрагивающая прядь волос свешивалась на лоб. Тихая и плавная речь прерывалась едва заметными паузами, которые как нельзя кстати подчеркивали глубину высказанной мысли. При тех двух часах в неделю, которые отводились для лекций истории, В. О. давал слушателям лишь сжатый конспект, но какой это был конспект? В нем молодой историк, как в удивительно красивом узоре, умело сочетал краткие, но меткие характеристики политических деятелей со смелыми аналогиями и обобщениями в явлениях исторической жизни народов Европы. Его лекции прямо приковывали внимание молодых слушателей. Интерес к ним возрастал с каждым годом, и уже ко времени моего пребывания в училище многие юнкера заранее старались достать литографированные записки преподавателя, т. к. на всех юнкеров обыкновенно их не хватало. Я, более склонный к наукам математическим, которые потом и сделались главной основой моей специальности, зорко оберегал свой экземпляр от товарищеских поползновений зачитать и увез его из училища по окончании курса как дорогую мне память о лекциях В. О. И теперь иногда, переворачивая эти пожелтевшие листки для какой-нибудь справки, невольно увлечешься и прочитаешь несколько страниц этого краткого, но мастерски написанного конспекта. Впоследствии в 90-х годах, когда я был преподавателем Александровского в. училища, Вас. Осип, вспом-

нил об этих записках и, собираясь ехать на Кавказ для занятий с покойным наследником в. кн. Георгием Александровичем, обратился в училище с просьбой поискать сохранившийся, быть может, экземпляр. Но в училище тогда не нашлось ни одного; я передал Василию Осиповичу свой экземпляр с просьбой вернуть мне как дорогую мне память об учители. И теперь они снова вернулись в мою скромную библиотеку. Записки эти читаются с захватывающим интересом с первых страниц. Эти состарившиеся и пожелтевшие листки, написанные сорок лет тому назад, дышат той же свежестью, как и многие страницы сатирика Салтыкова.

Многим памятна характеристика областного управления Франции так называемыми интендантами, в руках которых находилась действительная власть в провинциях. «Интендант обыкновенно человек незнатный из среднего мещанского сословия, очень редко из мелкого дворянства*. Это ловкий служака, усердный исполнитель министерских предписаний. Интенданты управляли всем в провинциях, распределяли и собирали подати, производили рекрутские наборы, заведывали полицией и судопроизводством. Эти управители провинций вмешивались во все, стесняя всякую самодеятельность местных обществ. Понадобилось выстроить мост, поправить церковный дом в сельском приходе или восстановить развалившуюся колокольню — община не могла этого сделать без спроса у интенданта, который в свою очередь спрашивал в королевском совете, откуда ответ приходил года через два или три».

Слушая тогда такие характеристики, мы, юные слушатели, совсем не знавшие жизни, думали, что Салтыков-Щедрин списывал своих помпадур именно с этих интендантов, и не подозревали того, как все это было близко и к нашей действительности.

Таких метких штрихов встречалось немало на лекциях Вас. Осип., и не мудрено, что подозрительный начальник училища редко пропускал его лекции. Насколько велико было влияние научной силы преподавателя, вспоминаю, как волновались мы, выходя на экзамен Васил. Осипов. Человек скромный, по-видимому, конфузившийся поднять глаза на юного юнкера,

---

* В отличие от губернаторов, этих номинальных областных управителей, которые избирались из старого французского дворянства и имели только внешний блеск, вознаграждавший их честолюбие за потерю прежней феодальной независимости.

во многих вызывал настоящий трепет, не физического страха, а чисто нравственного. Нельзя было прийти на экзамен без знаний. У других преподавателей, иногда мало авторитетных, как-нибудь можно вывернуться из затруднений; помню даже и батальонного командира, преподававшего тактику, многие преспокойно надували, выпаливая трескучие и особо им любимые фразы. У Вас. Осип. нельзя было отделаться общими ничего не значащими фразами. Чувствовалось, что пришел на суд к крупной научной силе; таково было обаяние, по-видимому, с внешней стороны скромного и слабого человека.